

Смерть Урус-хана

Согласно показаниям основных источников «Зафар-наме» Шами, «Зафар-наме» Али Йазди, «Мунтахаб ат-таварих» Натанзи, смерть ак-ордынского хана Уруса приходится на первую половину 1377 г. Эта же дата называется в двух обширных сочинениях по всемирной истории «Нусах-и Джахан-ара» Гаффари и «Гарих» Хайдара Рази [Гаффари 1941, с. 211; Хайдар Рази 1941, с. 214]. Причем содержание интересующих нас сведений в этих двух сочинениях заставляет предполагать иной, кроме «Мунтахаб ат-таварих», источник информации. На это обращал внимание автор предисловий к отрывкам переводов этих сочинений С.Л. Волин [Гаффари 1941, с. 210; Хайдар Рази 1941, с. 213].

Однако, это сообщение восточных персоязычных авторов, хорошо осведомленных в делах отношений между Тимуром и Урус-ханом, находится в противоречии с нумизматическим материалом.

Крупнейшие нумизматы XIX в. Х.Д. Френ, П.С. Савельев, А.К. Марков дали описания первых найденных монет Урус-хана. Их было немного²³. Х.Д. Френом описано всего пять видов его монет, и в том числе три по неполным экземплярам со стершимися надписями²⁴. П.С. Савельев привел еще несколько видов монет Урус-хана, «доселе неизвестных», найденных в Тетюшском кладе [Савельев 1858, с. 435]. Эти монеты были чеканены в Сыгнаке, Сыгнаке ал-джадид (?) и Сарае ал-джадид в 773 (1371/2), 774 (1372/3), 775

²³ Серебряные монеты Урус-хана, чеканные в Сыгнаке, приведены в работе А.В. Пачкалова [Пачкалов 2002, с. 87–89].

²⁴ Приведено по: [Савельев 1858, с. 434–435].

(1373/4), 779 (1377/8), 782 (1380/1) гг. А.К. Марков исследовал 11 монет, битых в Сыгнаке с именем Урус-хана и хранящихся ныне в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге [Якубовский 1929, с. 130].

Обративший внимание на даты этих монет современный востоковед Т.И. Султанов справедливо отмечает, что две последние даты (779 и 782 г.х.) находятся в противоречии с годом смерти хана. Он предположил, что после смерти Урус-хана его преемники, занятые постоянными войнами, продолжали чеканить монеты старого образца. «В таком случае, – пишет исследователь, – сыгнакский чекан 779 г.х. следует признать штемпелем Урус-хана» [Султанов 1976, с. 50]. Принадлежность монет 782 г.х., чеканенных в Сарае, Урус-хану и написание его имени на них вызвало сомнение Т.И. Султанова. Но еще П.С. Савельев по этому поводу писал: «Как ни варварски начертано имя Урус-хана, но едва ли можно сомневаться в его чтении: а) по довольно ясному начертанию на последней строке окончания этого имени **Bbm** (вырезано **Bṯq**), и б) по сходству начертания слова **piĕA** с начертанием его на предыдущих монетах» [Савельев 1858, с. 438].

Дальнейшее развитие проблема датировок монет Урус-хана получила в работах А.П. Григорьева. Он предлагал число 782 читать как 776. «Для этого, – писал тюрколог, – нужно цифру 8 перевернуть вверх ногами, а цифру 2 развернуть задом наперед, т.е. перед нами обычная для резчиков золотоордынского монетного штампея ошибка» [Григорьев 1983, с. 45]. А число 779, по его мнению, необходимо переправить на 775. Ибо «отличить цифру 5 от 9 в датах, выбитых на золотоордынских монетах, иногда практически невозможно» [Григорьев 1985, с. 169].

Но предложенная А.П. Григорьевым методика реконструкции дат на монетном материале, в частности превращения одних дат в другие и в целом его аргументация вызвала возражение специалиста средневековой нумизматики Е.А. Давидович. Она указывала на необходимость комплексного изучения всего фонда монет, относимых к золотоордынским ханам второй половины XIV в. [Давидович 1989, с. 214–215].

Аналогичное мнению А.П. Григорьева решение предложил нумизмат и историк Ю.Е. Варваровский. Монету с датой 782 г. х. он

предлагает читать как 776 г. х. ибо «последние две цифры даты изготовители монетных штемпелей изобразили либо перевернутыми, либо в зеркальном порядке» [Варваровский 2008, с. 91–92].

Современный нумизмат Е.Ю. Гончаров заново прочитав одну из монет Урус-хана, битую в 782 г. х. пришел к выводу, что в данном случае «мы имеем дело с монетами не Уруса, а Токтамышша» [Гончаров 2004, с. 89].

Интересное предположение о монетах Урус-хана было высказано нумизматом А.Г. Мухамадиевым [Мухамадиев 1983, с. 95–96; Мухамадиев 2005, с. 153]. Он, на основе сопоставления титулов, чеканенных на монетах (Гийас ад-дин ва ад-дониа Мухаммад), и почерков, которыми выполнены надписи на них, предложил считать монеты Мухаммад Булека, ставленника Мамаю, монетами Мухаммад Уруса. В этом случае монеты Уруса, обнаруженные в одном только Мало-Атрысинском кладе составляют 185 экземпляров. Для окончательного утверждения, как и в предыдущем случае, необходимо комплексное и тщательное нумизматическое исследование монет указанных ханов. Кроме этого необходимо установить, что мусульманским именем Уруса было Мухаммад.

Другие исследователи золотоордынской эпохи также обращали внимание на расхождения сведений письменных источников о времени смерти Урус-хана с его монетным чеканом. Однако, зачастую исследователи ограничивались лишь простой констатацией факта [Греков, Якубовский 1950, с. 320; История 1979, с. 167].

Упомянувшийся выше нумизмат А.Г. Мухамадиев относит смерть Урус-хана к 1379 г. [Мухамадиев 1983, с. 97; Мухамадиев 2005, с. 154]. На этот момент было обращено внимание М.Г. Сафаргалиева, больше доверявшего данным нумизматики, нежели авторам средневековых исторических сочинений. Датируя смерть хана 1379 г., он писал: «Нельзя допустить, чтобы его преемник продолжал чеканить монеты с именем умершего отца» [Сафаргалиев 1960, с. 141].

В исследовательской литературе существуют и другие датировки времени смерти Урус-хана. Выше приводилось мнение Ю.Е. Варваровского, ограничившего правление, соответственно и смерть Урус-хана 1376 г. Еще одна дата – 1375 г. Она была обозначена в хронологических справочниках С.Лэн-Пуля [Лэн-Пуль 1996, с. 452] и К.Э. Босворта [Босворт 1971, с. 204]. Под влиянием этих широко распространенных изданий, хронологические таблицы,

приведенные в них, в том числе и этот год, приняты во многих научно-популярных изданиях.

Существование стольких мнений в современной исследовательской литературе объясняется разнообразием в источниках. Со всей очевидностью можно предположить, что 1375 г., как год смерти Урус-хана, неверный. Эта дата вытекает из арабоязычного сочинения «Китаб ал-ибар». Автор этого сочинения Ибн Халдун, описывая события золотоордынской междоусобицы середины и второй половины 1370-х гг., отмечал, что в это же время, в 1375 г., умер Урус-хан [Ибн Халдун 1884, с. 391]. Сочинения арабоязычных источников, сравнительно подробнее излагающие события, происходившие в Золотой Орде в этот период, в том числе и пребывание Урус-хана на берегах Нижней Волги, свидетельствуют, вместе с тем, и о недостаточной осведомленности о том, что происходило в восточной части Улуса Джучи. Уход Урус-хана из золотоордынского Поволжья в 1375 г. вызвал у информаторов арабоязычных авторов предположение о смерти хана Восточной Орды в том же 1375 г.

В целом, как считает К.А. Пищулина, значение арабоязычных источников для позднесредневековой истории Казахстана «несравненно уступает персоязычной и тюркоязычной историографии» [История 1997, с. 24]. Исходя из этого, дата смерти Урус-хана, предложенная тимуридскими хронистами Шами, Али Йазди и На-танзи, и частично независимыми от них Гаффари и Хайдаром Рази, выглядит более предпочтительной. По существу это подтверждается ходом событий военно-политической истории региона 1370-х гг.

«Участь» монет Урус-хана (по выражению Е.А. Давидович), чеканенных после его смерти, необходимо «решать только на основе полного комплексного изучения всех признаков (палеографии, содержания и расположения надписей, ошибок в надписях, веса и пр.)» [Давидович 1989, с. 215]. Предварительно же, автор этих строк согласен с мнениями А.П. Григорьева и Ю.Е. Варваровского, но и не исключает предположений Т.И. Султанова. А в общем, джучидская нумизматика этого периода (вторая половина XIV в.) еще ждет, как справедливо отмечала Е.А. Давидович, своего специального рассмотрения.

Датировка смерти Урус-хана, предложенная в персоязычных источниках, была принята исследователями как достоверная. Но в современной литературе есть и другие мнения. Если некоторые без учета результатов предшествовавших исследований, повторяют ста-

рые ошибочные датировки, то другие выдвигают новые аргументированные гипотезы. В работе А.И. Исина, приведенная выше дата смерти Урус-хана ставится под сомнение. Историк склонен к предположению, что этот правитель умер в 1378 или 1379 г. По его мнению, указания годов в тимуридской историографии не точны. События как минимум двух лет объединены в события одного года. Так события 776–780 гг. (1375–1378 гг.) уместились в 776–778 гг. (1375–1377 гг.). Например, авторы сочинений тимуридского лагеря приписывают слишком много событий 1376 г. Здесь четыре похода (четвертый–седьмой) Тимура в Степь, между ними набеги кочевников, подавление восстаний и мятежей. К этому прибавляются два похода Токтамыша против Урус-хана, два похода самого Тимура против Сыгнакской Орды. По мнению исследователя, время двух походов Токтамыша – весна–осень 1377 г., зимний поход Тимура, соответственно – зима 1377–1378 гг. Исходя из всего этого А.И. Исин считает маловероятным, что весенний поход Тимура и смерть Урус-хана были раньше 1378 г. [Исин 1999, с. 38–39].

Стоит отметить, что 779 г.х. (1377/8 г.) датирует смерть Урус-хана и Шахабутдин Марджани [Марджани 1999 с. 27; Марджани 2003, с. 87].

Еще один важный момент в связи с затрагиваемой проблемой – обстоятельства и место смерти Урус-хана. В некоторых поздних тюркоязычных сочинениях высказываются разноречивые сведения об этом.

Натанзи сообщал, что Урус-хан «умер от естественного недуга» [Натанзи 2004, с. 77]. Этот же факт повторил более поздний автор – представитель аштарханидской (джанидской) историографии Мухаммад Букай, автор «Субханкули-хан-наме»²⁵.

Исследованием обстоятельств смерти Урус-хана занимался В.П. Юдин, посвятивший этой проблеме отдельную статью [Юдин 1988, с. 131–136]. В ней была предложена новая «неизвестная версия гибели Урус-хана», которая содержится в сочинении «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи. Суть ее такова: Токтамыш-оглан, не желая подчиняться Урус-хану, сговорился с предводителями четырех кочевых племен ширин, барин, аргун, кыпчак и откочевал с ними в районы реки Идил (Волга). Урус-хан, с имеющимися у него силами («было их человек двести самое большее – человек триста») [Утемиш-хаджи

²⁵ Приведено по: [Султанов 1976, с. 51–52].

1992, с. 116], выступил в погоню. Токтамыш и его люди, увидев преследователей, решили дать бой, а своих детей, способных сидеть на конях, отправили в укрытие, приказав в случае поражения повстанцев «самостоятельно устраивать свою судьбу» [Юдин 1988, с. 133]. Но как это часто бывает, дети не послушались своих отцов и, напав в решающий момент битвы с тыла, посеяли панику в отряде Урус-хана. Это, по словам автора «Чингиз-наме», и решило исход сражения. Случайная стрела, пущенная Джалал ад-дином, сыном Токтамыша, поразила Уруса и убила его. С тех пор и бытует среди узбеков (т.е. кочевников Восточного Дашт-и Кыпчака) предание о том как «Джалал ад-дин убил Уруса» [Юдин 1988, с. 133]²⁶.

По сообщению Т.И. Султанова, турецкий историк Мустафа Кафалы, ссылаясь на это же сочинение, рассказывает так об обстоятельствах смерти хана: «Когда Тимур выступил против Урус-хана, последний, не приняв боя, бежал в Западную Сибирь. Затем, воспользовавшись возвращением Тимура в свою резиденцию, Урус-хан выступил в поход. В разыгравшемся между противниками в районе Устирта (Устюрта) сражении, Урус-хан потерпел поражение и вскоре умер от полученной раны»²⁷. Ничего из того, о чем поведал турецкий ученый, в сочинении Утемиш-хаджи нет. Это объясняется тем, что М.Кафалы пользовался более полным списком «Чингиз-наме», имеющим, по сообщению Ю.Е. Брегея, другое название «Тарих-и Дост-султан» [Munis, Agahi 1999, р. XIII]. Этот список известным востоковедом А.З. Валидовым (Валиди Тоган) был получен у известного татарского богослова и историка, Ризы Фахретдина, затем, Валиди Тоган увез ее в Стамбул [Утемиш-хаджи 1992, с. 11]²⁸.

Насколько же верны, и соответствуют ли действительности вообще эти два столь непохожих друг на друга рассказа одного автора? Сопоставляя известные исторические факты из политической

²⁶ В тексте «Чингиз-наме», исследованном и переведенном В.П. Юдиным, его автор Утемиш-хаджи не сообщает о том, что Уруса убил стрелой Джалал ад-дин. Говорится лишь, что «налетели двое (из отряда Токтамыша – К.У.) и схватили его». Вернувшиеся на место битвы люди Урус-хана обнаружили своего хана мертвым [Утемиш-хаджи 1992, с. 576].

²⁷ Цитируется в изложении Т.И. Султанова [Султанов 1976, с. 52].

²⁸ Более подробно см.: Миргалеев И.М. «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи: перспективы изучения // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 4. – Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. – С. 14–19.

биографии Урус-хана, приведенные выше, с рассказами Утемиш-хаджи, можно прийти к совершенно определенному выводу – эти рассказы не соответствуют историческим реалиям. Это в свою очередь еще раз подтверждает выводы исследователей этого сочинения В.В. Бартольда и В.П. Юдина, указывавших на легендарный характер рассказов Утемиш-хаджи [Бартольд 1973г, с. 166; Юдин 1983, с. 124; Мингулов, Пищулина 1997, с. 111]. Вместе с тем, все же стоит отметить важную источниковедческую значимость сведений, приводимых в «Чингиз-наме». Реальные исторические факты и лица здесь перемежаются с политически мотивированным вымыслом, легендами и, очевидно, поздними наслоениями современников самого Утемиш-хаджи. Не осознав эту особенность «Чингиз-наме», манеру подачи материала его автора, невозможно вычленив настоящие исторические факты из этого сочинения. А это влечет за собой то, что эти «явно легендарные рассказы» трактуются как «исторически достоверные» [Юдин 1983, с. 124].

Вот некоторые факты, которые противоречат рассказу Утемиш-хаджи обеих редакций. В «Му'изз ал-ансаб» сообщается, что Урус-хан имел пятнадцать детей: восемь сыновей и семь дочерей и более пятнадцати лет правил в Восточном Дашт-и Кыпчаке [Ando 1992, s. 26; Султанов 1994, с. 81–87]. Эти и некоторые другие факты дают основание предположить, что Урус достиг к моменту смерти зрелых, если не пожилых лет, и имел взрослых и самостоятельных сыновей. Известно, что еще при жизни Уруса, его сыновья – первый Токтакия, шестой Кутлук-Бука и седьмой Тимур-Малик участвовали в управлении государством и военных походах, а сразу же после смерти отца Токтакия и Тимур-Малик поочередно наследовали трон отца в Сыгнаке, и ни о каком их малолетстве в источниках не говорится. Учитывая эти обстоятельства, можно допустить, что Урусу в середине 1370-х гг. было около 50 лет. Возраст не молодого человека. Все это здесь приведено к тому, что очень трудно допустить участие пятидесятилетнего человека, к тому же обремененного ханским званием в рядовой стычке, о которой говорится в «Чингиз-наме».

Другой момент – согласно автору «Чингиз-наме» сыну Токтамыша Джалал ад-дину в год смерти Урус-хана было двенадцать лет [Утемиш-хаджи 1992, с. 116]. Однако это невозможно, так как из более достоверных источников известно, что в середине 1370-х гг. Токтамыш сам «еще не достиг того озарения разума, которое прино-

сит совершеннолетие» т.е. он не достиг совершеннолетия [Натанзи 2004, с. 77]. Это подтверждается и тем фактом, что сыновья Токтамыша, как самостоятельные политики появляются на исторической арене лишь в первой четверти XV в. Надо полагать, первенец Токтамыша, Джалал ад-дин, родился не раньше 1380 г.²⁹ Кроме этого, выше говорилось о том, что когда Тимур получил весть о смерти Урус-хана, Токтамыш был рядом с ним и выполнял функции *гачарчи*, то есть последний не мог быть в степи, с предводителями кочевых племен, как о том говорит Утемиш-хаджи.

И, наконец, последнее – версия о том, что Урус-хан умер от раны, полученной в сражении с Тимуром, не подтверждается самими тимуридскими историками. Урус-хан в этот период был одним из главных соперников Амира Тимура. Поражение в битве, и тем более смерть главного врага не могли остаться незамеченным. Примечательны в этой связи слова Али Йазди: «Благодаря счастливой случайности, (в это время) без затраты усилий слуг Тимура умер Урус-хан и тернии его неприязни исчезли со столбовой дороги счастливой державы (Тимура)» [Йазди 1941, с. 149]. Следует отметить, что в числе «слуг» Тимура в это время значился и Токтамыш. На «случайную» смерть Урус-хана в то время указывал и Натанзи: «но так вышло, что как раз в это самое время Урус-хан умер, и на ханский трон возвели его сына Туктакия. Султан-Гази, не желая обвинения в пользовании несчастным случаем, прервал поход, а Тохтамыша оставил в Сауране» [Натанзи 2004, с. 310]. Шами, первый официальный историограф Тимура, сообщал: «так как удача была близка и счастье помогало высочайшим знаменам, то в это время Урус-хан перебрался из мира преходящего в мир вечный» [Шами 1941, с. 108]. Понятно, что ни о какой насильственной смерти здесь речь не идет. Как справедливо отметил Ю.Е. Варваровский «оба автора (Али Йазди и Шами. – К.У.) с плохо скрываемым облегчением упоминают о естественной смерти Уруса» [Варваровский 2008, с. 122]. Лишь очень поздний (XVI в.) аштарханидский летописец Мухаммад Юсуф Мунши в своей «Тарих-и Муким-хани» писал, что Урус-хан был убит в сражении с Тимуром [Юсуф 1956, с. 72]. Но краткая справка этого автора о «событиях из жизни Урус-хана» имеет столько оши-

²⁹ Мою догадку подтверждают расчеты А.П. Григорьева, согласно которому первенец Токтамыша с арабским именем Джалал ад-дин (величие веры) родился приблизительно в середине ноября 1381 г. [Григорьев 2004б, с. 116].

бок, что вряд ли есть необходимость останавливаться на этом сообщении³⁰.

Вышедший из казахских (а ранее ак-ордынских) степей Кадыргали Жалаир также говорил о том, что Урус-хан умер своей смертью: «Урус-хан на протяжении нескольких лет правил на этой земле (имеется ввиду западная часть Жетысу и присырдаринский регион. – К.У.). В конце концов (по прошествии определенного времени. – К.У.) в северной стороне в местности Кыштам он скончался» [Усманов 1972, с. 75; Кадыргали 1997, с. 114; Сыздыкова 1989, с. 229]. В качестве обозначения смерти Урус-хана Кадыргали использовал существительное *вафат* («Балахар шамал тарафында Кәштим деген йерде уофат тапты» [Сыздыкова 1989, с. 229]). Арабо-персидское слово *вафат* (*уофат*), которое употребил здесь, как и в некоторых других местах текста Кадыргали в работе Р.Г. Сыздыковой, переведено на казахский язык, как *ажал тапты* (нашел погибель, погиб) [Сыздыкова, Койгелдиев 1989, с. 213, 251]. По мнению Н.Н. Мингулова этот перевод неверен, он предложил свой вариант: *дуние салды* (скончался)³¹ [Кадыргали 1997, с. 114].

К этому можно лишь добавить, что данное слово, являясь родственным казахскому *опат* (*кончина, смерть, гибель*), не обязательно обозначает насильственную смерть. Б.В. Миллер переводил как *кончина, смерть; вафат кардан, вафат йафтан – умирать* [Миллер 1953, с. 587]; в словаре А.М. Ибатова, составленном на основе «Хосров ва Ширин» Кутба, сочинения XIV в., это слово переводится как *өлім, қирау, апат* [Ибатов 1974, с. 69]; у Э.И. Фазылова – *смерть, кончина* [Фазылов 1966, с. 304]. Следует отметить, что примеры с этим словом в словарях Фазылова и Ибатова свидетельствуют в пользу естественной смерти. Да и сама Р.Г. Сыздыкова в первом издании своего исследования «Сборника летописей» Жалаири переводила составной глагол *уофат бол – скончатъся, умереть*. При этом ею приведена синонимическая пара, представляющая собой семантически адекватное тюркское слово – *өл* (умирать) [Сыздыкова 1989, с. 62]. Точку в этом вопросе ставит приводившееся

³⁰ Чего стоит лишь одно утверждение, что Урус-хан был сыном Джучи [Юсуф 1956, с. 72].

³¹ Устное сообщение Н.Н. Мингулова. По его мнению, именно этот перевод соответствует контексту оригинала.

выше, довольно ясное свидетельство Му'ин ад-дина Натанзи о естественной смерти Урус-хана³².

В приведенном выше отрывке Кадыргали вызывает интерес упоминание местности *Кыштам* (Ānr) ³³ [Усманов 1972, с. 75], расположенная в северной стороне.

Исследователи высказывали предположение что, под Кыштамом Кадыргали Жалаир подразумевает сибирский город Искер³⁴. Как указывал Г.Ф. Миллер: «В Ремезовской летописи этот город называется Кашлык, но это название как я слышал, не употребляется ни у одного народа» [Миллер 1937, с. 195]. Город являлся центром Сибирского юрта и находился на берегу Ертгиса, ниже Тобольска [Миллер 1937, с. 476]. Но топоним Жалаира (Кыштам) с чисто филологической стороны не может идентифицироваться как Кашлык, к тому же название Искера в виде Кашлыка «не употребляется ни у одного народа». И если даже принять тождество Кыштама и Кашлыка, придется допустить предположение о том, что, во-первых, власть Урус-хана распространялась на Западную Сибирь³⁵, во-

³² О̅ВІ РВ̅Е́ О́·Ї̅џ̅ ~ j̅i̅ Él – «умер от естественного недуга» [Натанзи 2004, с. 77].

³³ Название этой местности транскрибируется по-разному: *Кыштам*, *Кауштим*, *Киштим*. Наши дальнейшие предположения строятся на транскрипции Н.Н. Мингулова (*Кыштам*).

³⁴ Устное сообщение Н.Н. Мингулова. На идентификацию Кыштама Кадыргали Жалаира с Искер – Кашлыком повлияла и локализация первого в «северной стороне» (шамал/шимал тарафында). Но есть ли необходимость искать Кыштам далеко на севере, в Западной Сибири. Возможен ли такой переход Урус-хана из Присырдарьи в Западную Сибирь? Очевидно, имелся ввиду регион севернее присырдарьинских городов?

³⁵ В «Дафтар-и Чингиз-наме» (конец XVII в.) говорится, что Тура, город в Западной Сибири, принадлежал Урус-хану. Впрочем в этой же «очень путанной главе» (по определению М.А. Усманова) говорится о том, что Бохара (Бухара) – йурт Болгар-хана (по М.А. Усманову это Абу-л-Хайрхан), Ады Узан – йурт Токтамыш-хана, междуречье Жема и Жайыка йурт Жанибек-хана и т.д. [Дафтаре 2000, с. 37; Усманов 1972, с. 116]. Может быть, в период усиления власти Урус-хана в Степи и после захвата Сарая, какая-то часть знати в этих землях (Тура и Кама) и признала сюзереном Урус-хана, однако вряд ли в этих направлениях им совершались какие-либо военные походы. М.Г. Сафаргалиев со ссылкой на этот же источник допускал, что Урус-хан захватил камских болгар, поскольку они автором «Дафтар-и Чингиз-наме» названы «урусхановым йуртом» [Сафаргалиев

вторых, смерть застала его именно здесь. Историографы Тимура и Тимуридов однозначно говорят о его присутствии в Присырдарьинском регионе осенью 1376 г. и его смерти в начале 1377 г.

Кыштам Кадыргали Жалаира должен, очевидно, располагаться в Центральном или Южном Казахстане, может быть это искаженное *кыстау* (зимовка)? В этом случае словам первого казахского историка можно найти объяснение: Урус-хан умер в местности своих зимних кочевий, каковым является Туркестан (Южный Казахстан).

Но на пути подобного решения проблемы, как и в первом случае, стоят филологические преграды: “м” никак не переходит в “у”. Необходимы другие пути этимологизации этого слова, и они есть.

Если название Искера, зафиксированное в Ремезовской летописи в форме *Кашлык* (*Қашлық*), переводится филологами как «*имеющий брови*», «*с бровями*» [Фазылов 1966, с. 614], то топоним Кадыргали Жалаира, по моему мнению, имеет совершенно иное значение. Он образован из двух слов «*кыш*» и «*там*». Вторая его часть (АВШ) довольно часто встречается в географической номен-

клатуре казахского средневековья и переводится как *дом*, *стена*, *преграда* [Фазылов 1966, с. 331]: Сырлытам, Кызылтам, Актам, Там-Кара, Тамлыг-ата и др. Нетрудно заметить, что к основному везде слову «*там*» прилагается слово-определитель (детерминатив-определитель), указывающий на особые свойства *тама* (дома, стены). В нашем случае определителем выступает «*кыш*» – кирпич, жженный кирпич. Исходя из этого, переводим как *дом (стена)*, *построенный из жженого кирпича*, *кирпичный дом (стена)*.

Таким образом, можно предположить, что смерть застала Урус-хана в одном из многочисленных стационарных городищ кочевников Кыштаме – холодной зимой 1377 г. Возможно причиной его смерти стала болезнь. В этой связи интересно сообщение Натанзи: «Урус-хан из-за сильного холода ушел обратно» [Натанзи 1941, с. 136], т.е. оставил войска и отправился на свою зимнюю стоянку.